

* Экстра написана Фэйтянем на Weibo в мае 2019 года в честь переиздания новеллы «2013: Рассвет ссудного дня». Название экстра дословно переводится как «красная фасоль», но это не та красная фасоль, которую употребляют в пищу, а фасоль молитвенного четочника, из которой делают браслеты и четки.

— Когда моя мать была жива, она часто говорила: «В этом мире ничто не принадлежит тебе...

...ни жена и дети, ни родители и братья, ни парящий в небе сокол, ни скачущий по земле конь, ни награды хана, ни степные просторы, ни жемчуга в шатрах. Все недолговечно. Под небом нет ничего, что было бы обещано тебе и должно быть твоим».

— Лишь ты сам себе принадлежишь, как волк, — задумчиво произнес Бату.

Теперь он, облаченный в ханское одеяние, обнажил плечи и спину, и в его двадцать с небольшим лет его смуглая кожа немного посветлела. На запястье красовался браслет из красных бобов, нанизанных на нить. У ханьцев есть одно стихотворение, которое звучит:

Багряные плоды рождает южный край,

Побегов новых сколько принесет весна?

Хочу, чтоб вы побольше их сорвали,

От них бывает память самой долгой*.

* Стихотворение «Друг о друге тоскуем» Ван Вэя, поэта династии Тан.

Когда-то Дуань Лин учил его этому стихотворению. И, хотя Борджигин Бату не до конца понимал смысл, но запомнил строки.

Два года назад он увидел этот браслет из красных бобов среди товаров южного торгового каравана. Ханьские купцы сказали, что эта вещь — с южных земель. А раз уж она пришла с юга, значит, из родных краев Дуань Лина. Смотря на браслет, он будто видел самого Дуань Лина, а в моменты безделья, касаясь бусин, словно прикасался к Дуань Лину, живущему на другом конце земли.

Этим утром солнце светило ослепительно ярко, заливая все золотом. Оно лилось из-за полога ханской юрты, как в ту ночь в библиотеке в Шанцзине.

Тогда свет лампы освещал их юные лица — его и Дуань Лина. Он падал на письменный стол с кистями и чернильницей, отбрасывая на висящую на стене картину «Тысячи ли рек и гор» танцующие тени, отчего мир казался позолоченным и ослепительно ярким.

Он до сих пор помнил день их первой встречи: Дуань Лин в светло-бирюзовой одежде нервно стоял в галерее школы. Его кожа была настолько бледной, что он казался высеченным из белого мрамора, пальцы были тонкими и мягкими, ногти аккуратно подстрижены, их кончики дрожали от волнения, а ресницы трепетали. На тыльной стороне ладоней виднелись бледные шрамы, будто от давних побоев, но уже зажившие.

В тот день Бату был опоясан волчьей шкурой, а внутри его тела кипела необузданная энергия. В свои десять с небольшим лет его кровь, казалось, горела жарче, чем у других. Он бесконечно излучал тепло, и единственным его желанием было ринуться на поиски добычи, кусать и дразнить ее.

С того момента, как Дуань Лина привели в школу, Бату сразу обратил на него внимание. Однако он долго стоял в стороне, прежде чем подойти. Так началось их крайне ужасное знакомство — к счастью, Дуань Лин никогда не таил на него зла.

В памяти Бату чаще всего был запечатлен его сосредоточенный профиль, погруженный в учебу. С тех пор Бату каждый день лежал за партой, подперев голову рукой, и наблюдал за ним. В ушах звучали непонятные слова учителя, а в глазах отражалось сконцентрированное лицо Дуань Лина, внимающего лекциям.

«Небо черное, а земля желтая, космос беспредельно широк... Солнце всходит и заходит, луна растет и убывает, созвездия заполняют небосвод... Золото рождается в водах Лишуй, нефрит — в горах Куньлунь» — всякий раз, когда дочь Бату повторяла за учителем Му эти строки из классики, в его памяти всплывали те давние дни, проведенные в Шанцзине.

— Папа! — дочь потянула Бату за руку, вырвав его из воспоминаний.

Бату слегка нахмурился и повернулся к дочери.

— Где учитель Му? — спросил он. — Позови его, уже почти время.

Дочь выбежала из юрты. Бату допил чай и поднялся. За пределами ханской палатки повсюду сверкало золотое сияние, точно так же, как в те вечера, когда он, будучи ребенком, ждал с Дуань Лином своих родных в школе.

Дуань Лин упрямо ждал Лан Цзюнься, а Бату цеплялся за последние мгновения счастья, проведенные с ним.

Ведь после уроков все прощались и расходились по домам, а его ждал темный, мрачный дом и пьяная брань отца. Возвращаться туда не хотелось вовсе.

Когда Лан Цзюнься запаздывал, Бату учил Дуань Лина борьбе или брал его с собой во двор школы ловить золотистых жуков. Он обматывал их нитками и отдавал Дуань Лину в качестве

игрушки... Иногда, не успев найти что-нибудь интересное, он замечал приближение Лан Цзюнься и, раздраженно махнув рукой, отправлял Дуань Лина домой.

— Дуань Лин, Дуань Лин! — летней ночью Бату сидел на стене дома Дуань Лина, держа в руке стеклянный сосуд, и тихо звал его.

Услышав шорох, Дуань Лин выбежал из спальни в тонкой ночной одежде, умоляя Бату слезть и пройти к нему в комнату.

Бату упрямо хотел уйти, но Дуань Лин схватил его за руку и, таща и толкая, уложил на свою кровать. Они легли рядом, и Дуань Лин натянул одеяло.

— Держи, — прошептал Бату на ухо Дуань Лину.

Тот удивленно моргнул.

Лежа плечом к плечу, Бату крепко сжал сосуд и резко дернул пробку.

Светлячки, собранные им из-за последние две ночи, тут же вспорхнули, осветив спальню Дуань Лина мерцающим сиянием, словно Серебряная река на летнем небосводе.

— А-а?! — радостно вскрикнул Дуань Лин. Бату, повернув голову, уставился на его лицо и ущипнул за щеку. Дуань Лин, не обращая внимания на боль, потянулся к светлячкам, и Бату резко одернул руку, оставив на щеке Дуань Лина пыльное пятно. Он тут же попытался стереть его, но, не зная обо что, просто вытер о собственную одежду.

— Папа... — дочь вернулась, держа в руках ханский золотой меч, и протянула его Бату. Тот взял оружие и перекинул за спину.

— Что еще? — Бату вышел из юрты, на ходу приносясь к рукавам, чтобы убедиться, что он чист.

— Я хочу выйти замуж за учителя Му, — заявила дочь.

Услышав это, Бату взорвался:

— Да что ты понимаешь? Тебе всего семь! Замуж? Ни за что!

Дочь замолчала. Бату подхватил ее и посадил на коня.

Его жена покинула ханство три года назад, вернувшись в родной клан Хэмулунь. Чтобы

утихомирить их бесконечную вражду, ее соплеменники вызвали ее под предлогом навестить семью, выдав замуж за вождя нового племени, набравшего силу на севере. Империя Великая Юань после долгих лет междоусобиц в борьбе за власть и последовательных поражений окончательно распалась.

Она оставила Бату дочь — ту, что звали Жемчужиной степи и Принцессой гор. Теперь Бату, держа на руках любимое дитя, медленно покидал ханство верхом на своем ахалтекинском скакуне.

Му Цин и Чан Люцзюнь, каждый на своем коне, ждали на дороге, по которой должен был проехать Бату.

— Великий хан поднялся сегодня довольно рано, — с улыбкой произнес Му Цин.

Бату лишь рассеянно кивнул:

— Где войско?

Чан Люцзюнь в маске жестом указал за спину. В рассветных сумерках собралась закованная в железо конница Золотой Орды. Пятьдесят тысяч всадников растянулись до самого горизонта, их доспехи мерцали в первых лучах зари.

Бату, с золотым мечом хана за спиной, вел коня, на котором сидел вместе с дочерью. В сопровождении советника Му Цина и генерала Чан Люцзюня он покинул Золотую Орду, начав путь на юг.

На юге клубились тяжелые тучи. Грохот копыт нарастал, словно гром: войска Великой Чэнь, перейдя Великую стену, вышли к центру лугов. Две державы сошлись в противостоянии, соблюдая ритуал, в соответствии с которым в поход выступали сами государи.

Взошло солнце, осветив развевающиеся знамена Золотой Орды и Великой Чэнь. Мир замер: ни ржания коней, лишь внезапно поднявшийся над степью ветер, проносящийся по лугам.

Со стороны Чэнь донеслись приглушенные возгласы. Вскоре государь, раздвинув ряды воинов, выехал вперед на боевом коне.

Дуань Лин, У Ду, Чжэн Янь... и ребенок лет шести, поразительно похожий на маленького Дуань Лина. Словно выточенный из нефрита, он уже излучал едва уловимое царственное величие.

— Твой сын? — спросил Бату.

— Племянник, — улыбнулся Дуань Лин. — Ребенок моего дяди. Вывез его посмотреть мир.

— Дуань Лин! — Му Цин рассмеялся и уже направил коня вперед, но Бату преградил ему путь.

Десять шагов разделяли Дуань Лина и Бату. Они изучающе смотрели друг на друга.

— Отчего ты так... побелел? — с подозрением произнес Дуань Лин.

— Знал, что явишься. Заранее вымылся, — холодно бросил Бату.

У Ду и Чан Люцзюнь в отдалении замерли друг напротив друга. Чан Люцзюнь загадочно усмехнулся, бросив на У Ду выразительный взгляд, но тот лишь презрительно скривился.

— Откуда у тебя этот браслет? — с легкой усмешкой продолжил допрос Дуань Лин.

— Купил себе, — Бату едва заметным движением прикрыл рукавом запястье, будто случайно поправляя одежду. — А твой племянник... уже помолвлен?

Дуань Лин покачал головой:

— Это зависит от моего дяди и его самого. Я не могу принимать такие решения.

Пока он говорил, Дуань Лин обернулся и взглянул на своего маленького племянника. Мальчик и дочь Бату с любопытством рассматривали друг друга.

— Ты принес договор? — спросил Бату. — Где твой советник? Хотя... полагаю, ты сам себе военный советник. Неважно.

Дуань Лин кивнул. Бату жестом подал сигнал, и обе армии протрубили в горны, расчистив пространство. Повернув коня, Бату повел Дуань Лина и его свиту на церемонию подписания мирного договора. В тот день многолетняя война между Юань и Великой Чэнь наконец завершилась, возвестив о начале эры процветания.

<http://bllate.org/book/15657/1400687>